

ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ

Николай
Борисов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Николай Борисов

Василий Темный

«ВЕБКНИГА»

2020

Борисов Н. С.

Василий Темный / Н. С. Борисов — «ВЕБКНИГА»,
2020 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-23-504692-4

Судьба оказалась жестокой к московскому князю Василию II Васильевичу (1425—1462). В русскую историю он вошел с прозвищем Темный, что означает — Слепой: подвергнутый жестокой казни своими двоюродными братьями еще в 1446 году, он в течение шестнадцати лет правил страной будучи слепцом, калекой — и тем не менее сумел удержать в своих руках власть и даже лично водил войско в походы. Но ведь и сам Василий проявил ничуть не меньше жестокости и вероломства в ходе кровавой междоусобицы, поразившей Русь во второй четверти XV века, так что не случайно один из современников назвал его «иудой» и «душегубцем». Автор книги, доктор исторических наук, профессор Николай Сергеевич Борисов, на основе всех имеющихся в нашем распоряжении источников рисует перед читателем сложную и многообразную картину жизни Московского государства того времени и воссоздает полный противоречий портрет этого неоднозначного правителя, отца будущего «государя всея Руси» Ивана III.

ISBN 978-5-23-504692-4

© Борисов Н. С., 2020

© ВЕБКНИГА, 2020

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	10
Глава 1	11
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Борисов Василий Темный

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Борисов Н. С., 2020

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2020

* * *

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2016

(1816)

Предисловие

Человек учится понимать окружающий мир на протяжении всей своей жизни. Сегодня в этом ему помогают разного рода общественные институты – детский сад, школа, колледж, университет. В средневековой Руси главным инструментом социализации человека была семья. Родители объясняли ребенку, как следует вести себя в той или иной ситуации. Кроме общих указаний отец учил сына своему ремеслу, а мать наставляла дочь в ведении домашнего хозяйства. Так жил весь мир. Так жили в избе и в княжеском дворце. Разумеется, общественное положение конкретного человека вносило в эту схему некоторые коррективы. Но суть оставалась та же. Князья учили сыновей тому, что принято сегодня называть политикой. Прочие умения – от верховой езды до обращения с женщиной – преподавали слуги. Юный княжич мог учиться политике и у деда. Но деды в ту тревожную пору редко доживали до внуков. Став самостоятельным правителем, молодой князь подхватывал те бразды власти, которым учил его отец. Все определяла традиция. Правители-новаторы, изобретатели новой политики, встречались в Древней Руси крайне редко.

Исходя из данных аксиом, автор этих строк начинал свою книгу о «государе всея Руси» Иване III с рассказа о драматической судьбе его отца, Василия II Темного¹. Отец заложил фундамент, на котором сын построил единое Русское государство.

Теперь мы считаем необходимым предпослать биографии Василия Темного краткое жизнеописание его отца Василия I. Этот правитель не понят и недооценен в нашей исторической памяти. Его 35-летнее правление обычно представляется скучной интермедией между героической эпохой Дмитрия Донского и московской усобицей второй четверти XV века. Но это совсем не так...

«О делах нужно судить, принимая во внимание обстоятельства», – говорил Плутарх (61, 149²). Восемнадцатилетний Василий I принял Москву после кончины отца в тяжелых политических обстоятельствах.

Объединение Литвы и Польши под властью польского короля Владислава в 1385 году (Кревская уния) создало на западной границе Московского княжества обширное государство, официальной религией которого стало католичество. Однако новая держава была внутренне хрупкой. Не все потомки Гедимины признали верховную власть короля Владислава (до крещения – великого князя Литовского Ягайло).

Политические противоречия усугублялись религиозными. Большинство населения Великого княжества Литовского составляли восточные славяне – потомки жителей Киевской Руси и предки современных русских, украинцев и белорусов. Со времен Владимира Святого они исповедовали христианство в его православном варианте. Предводителем литовских «сепаратистов» стал великий князь Литовский Витовт, принявший католичество, но терпимо относившийся к православию. Это был правитель широкого размаха. Он мечтал не только вернуть Литве независимость от Польши, но также, используя объединенную мощь Литвы и Польши, подчинить себе западные и северо-западные русские земли. В конечном счете Русь, Литва и Польша должны были слиться в единое государство, способное разгромить Орду.

¹ Борисов Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000 (серия «ЖЗЛ»). Надо признать, что за прошедшие годы наши представления об отце Ивана III, Василии Темном, и его эпохе мало изменились. А потому мы посчитали возможным использовать в настоящей биографии фрагменты нашей книги «Иван III» (с необходимыми поправками и дополнениями). Кроме того, представляя читателю исторических деятелей и политические центры тогдашней Руси, автор в некоторых случаях использовал тексты из своей книги «Возвышение Москвы» (М.: Русский мир, 2011).

² Первая цифра в скобках означает номер издания в списке источников и литературы, помещенном в конце книги. Вторая цифра – номер страницы.

Однако путь к этой цели был долгим и извилистым. Он изобилует политическими интригами и временными союзами.

Насколько реальными были претензии литовских князей выступать в роли объединителей русских земель? Да и были ли у них такие претензии? Об этом историки судят по-разному (84, 28).

Грандиозные движения происходили и в Степи. На смену Орде Мамай пришла Орда Тохтамыша. Она была способна наносить мощные удары не только по Литве и Руси, но и по огромной армии нового Чингисхана – среднеазиатского завоевателя Тимура.

В этой сложной обстановке Василий I должен был проявлять политическую гибкость. В отличие от своего знаменитого отца Дмитрия Донского, Василий избегал рискованных предприятий. На правах зятя великого князя Литовского Витовта (мужа его дочери Софьи) он часто встречался с тестем. Ради стратегических целей Василий умел жертвовать тактическими. Он уступил Витовту Смоленск, но твердо встал за Новгород и Псков. Благодаря гибкой дипломатии, сочетавшей готовность к войне с умением найти путь к миру, Василий не допустил завоевательного продвижения Литвы к верховьям Оки.

Залогом успешной политики был холодный расчет. Василий уклонился от участия в войне Литвы и Польши с немецким Тевтонским Орденом и не дал своих полков Витовту для участия в Грюнвальдской битве (1410 год). Равным образом он не оставил своего следа в борьбе между Литвой и Ордой.

Великая княгиня Софья Витовтовна поддерживала Василия в этой семейной дипломатии. Отправляясь на встречи с отцом, она брала с собой внуков, присутствие которых должно было смягчить сердце старого воителя. Собственных сыновей Витовт не имел.

Эта стратегия позволила Василию не только сохранить полученные по наследству отцовские земли, но также сделать большой шаг в дальнейшем собирании русских земель – наследственной задаче московских князей. Улучив момент, когда Тохтамыш был занят подготовкой к большой войне с Тимуром, Василий купил у него ярлык на Суздальско-Нижегородское княжество, а также Тарусу, Муромское княжество и земли Мещоры. По значению для Московского государства это приобретение можно сравнить с присоединением Новгорода при Иване III.

Источники не сообщают, какую цену уплатил Василий Тохтамышу за ярлык на эти земли. Скорее всего, речь шла о больших деньгах. И можно только удивляться, откуда в разоренной нашествием Тохтамыша Северо-Восточной Руси, незадолго перед тем уплатившей огромный ордынский «выход», нашлись такие средства...

Всякое приобретение имеет свою цену. Взяв Нижний Новгород, Василий I получил много людей и денег. Но он получил также и длительную борьбу с лишившимися своих уделов нижегородскими и суздальскими князьями.

Незаметный в жизни, Василий I не оставил яркого следа и в летописях. Он умер так же тихо, как и жил. Но Москва долго поминала его благотворную тишину. Василий умел ладить с церковью и не допускал открытой распри с братьями. Его сын и внук морили родичей в тюрьмах и травили их ядом. Василий не позволял себе греха братоубийства. В целом это был богобоязненный и добродетельный правитель.

Сын Василия I, Василий II Темный, хотел быть похожим на отца. Но судьба его сложилась совершенно иначе. Обстоятельства изменились, а вместе с ними изменились и люди...

* * *

Среди темных преданий Московской Руси одно выделяется своей жуткой достоверностью. Это история о кровавой расправе между внуками Дмитрия Донского. Целых 28 лет сокрушительных ударов меча, яростных криков и похоронного звона. Забыв о заветах Сергия Радонежского, русские люди с ожесточением и даже каким-то наслаждением убивали друг друга.

Каждый сражался ради своей «правды». Это была борьба не на жизнь, а на смерть. И только мрачные своды Архангельского собора – фамильной усыпальницы потомков Калиты – примирили непримиримых в жизни искателей «правды».

В центре этой роковой схватки, едва не погубившей кропотливый труд четырех поколений московских «собирателей Руси», высится мрачная фигура Василия Темного. Достоин ли этот полу-герой – полу-злодей если не почтения, то хотя бы внимания потомков? Вместо ответа напомним читателю суждение Т. Карлейля: «Биографии всех выдающихся людей, нравственны ли они или безнравственны, заслуживают быть написанными» (74, 62).

Память о московской усобице кованым гвоздем вбита в стену российской государственности. Здесь покаяние встречается с предупреждением. Образ государя, глаза которого скрывает черная повязка, стал символом высокой цены, которую платят власть имущие за свою исключительность...

Часть первая

Отец

Глава 1

Дела семейные

Дмитрий Донской за свою 38-летнюю жизнь стал отцом восьмерых сыновей и четырех дочерей. Жена Дмитрия, княгиня Евдокия Дмитриевна, происходила из Суздальского княжеского дома. Ее потомство призвано было утвердить союз Москвы и Суздаля, наметившийся еще во времена Ивана Калиты, но так и не сложившийся в тревожные годы «великого мора» и литовских нашествий.

Занятый грандиозными замыслами, Дмитрий Донской, должно быть, не помнил в точности дни рождения и семейные прозвища своих многочисленных детей. Но история, этот великий спектакль на сцене нашей памяти, требует списка действующих лиц. А потому представим читателю весь перечень большого семейства Дмитрия Донского.

Отец Дмитрия московский князь Иван Красный умер в возрасте тридцати трех лет. Он имел двух сыновей (Дмитрия Донского и умершего в малолетстве Ивана) и двух дочерей – Любовь и Анну. Первая вышла замуж за литовского князя Кориата Гедиминовича, вторая стала второй женой знаменитого воеводы князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. В начале правления Василия I воевода не поладил с молодым государем и уехал в Литву. Сын Анны и Дмитрия Боброка стал монахом и поселился в Клопском монастыре под Новгородом.

Дмитрий Иванович сыграл свадьбу с Евдокией Суздальской в январе 1366 года. Местом торжества избрана была Коломна – второй по значению город Московского княжества. Такой странный выбор – вне стольных городов жениха и невесты – по-видимому, объяснялся просто: в Москве волна за волной прокатывалась чума. Рисковать жизнью ради условностей никто не хотел.

Этот политический брак пятнадцатилетнего внука Калиты и внучки князя Александра Васильевича Суздальского, судя по всему, был устроен митрополитом Алексеем, покровителем Московского княжеского дома. В результате возник своеобразный дуумвират – союз Дмитрия Ивановича Московского и Дмитрия Константиновича Суздальского. Тестю в это время было уже за сорок, а зятю – без малого 16 лет. Брак оказался не очень удачным в политическом отношении. Дмитрий Суздальский был весьма посредственным воином и в решающую минуту оставил зятя один на один с Мамаем. Но в семейном отношении суздальская кровь не подвела. Дети пошли рождаться на свет, словно грибы после дождя. Из этого потомства ранняя смерть взяла свою долю. Но и после кончины трех малолеток осталось детей на целое застолье.

Первый сын Донского был наречен Даниилом в честь родоначальника Московского княжеского дома князя Даниила Александровича. Смерть унесла его еще в детстве. Религиозное сознание, привыкшее во всем видеть проявление Божьего промысла, отметило «черную метку» – несчастливое имя Даниила. Дмитрий уже не называл так своих сыновей.

Второй сын Василий – будущий великий князь Московский – родился 30 декабря 1371 года, то есть через пять лет после свадьбы родителей. Его жизнь мы подробнее опишем ниже, а пока продолжим семейную галерею детей Дмитрия Донского.

Третий его сын Юрий появился на свет 26 ноября 1374 года в Переяславле-Залесском (в то время название города писали именно так – Переяславль, а не Переславль, как сейчас). Там осенью 1374 года проходил княжеский съезд, обсуждавший отношения русских князей с Ордой. Стремясь избежать доносов в Орду, князья собрали свой съезд как семейный праздник по случаю рождения у князя Дмитрия Ивановича третьего сына. Ради этой политической цели беременная на последнем месяце княгиня Евдокия отправилась за 130 верст по раскисшим осенним дорогам из Москвы в Переяславль-Залесский. Туда же, в Переяславль-Залесский, пришел по своему обыкновению пешком игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский. Духовник самого великого князя Дмитрия Ивановича и бесприкословный авторитет для

прочих князей, Сергей уважил просьбу Дмитрия и стал крестным отцом нареченного Юрием младенца. Со временем Юрий стал заметной исторической фигурой. Однако заметность его носила двусмысленный характер. Не желая подчиниться своему десятилетнему племяннику Василию, а более – его властной матери Софье Витовтовне, Юрий в 1425 году поднимет знамя династической войны, опустошавшей страну в течение двадцати восьми лет.

Около 1370 года у Дмитрия родилась дочь Софья. Источники не сообщают точной даты ее рождения. Об этом можно только догадываться, исходя из того, что в сентябре 1386 года Софья была выдана замуж за князя Федора Рязанского, сына знаменитого Олега Рязанского.

Сестра Софьи Мария 14 июля 1394 года вышла замуж за литовского князя Семена Ольгердовича, более известного под литовским именем Лугвений. Со временем московско-литовские династические союзы станут обычным делом. Но пока это было только начало. В семье Гедимины, а потом и Ольгерда женихов хватало. Симеоновская летопись так перечисляет эту доблестную компанию:

«Сии Олгерд не един сын у своего отца беаше, но инии мнози прочая братия его беаху сынове Гедимонову: Наримант, Олгерд, Евнутей, Кестутей, Кориад, Люборт, Монтивит...

В всей же братии своей Олгерд превзыде властью и саном, поне пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла, и великоумство и въздержание приобрете себе, крепку думу от сего и мног промысл притяжав, и таковым коварством многы страны и земли повоева и многы грады и княжения поимал за себе, и удержа себе власть велику; тем и умножися княжения его, якоже ни един же от братия его сътвори, ни отец его, ни дед его тако прослыл. Имеаше же 12 сынов, от первыя жены пять, а от другыя, от тферянки седмь; беаху сынове Олгердовы: Андреи, Дмитриеи, Костянтин, Володимер, Федор, Гульян, Кирибут, Скиригайло, Ягаило, Свитригаило, Коригаило, Лугвений. Всем же сим грады и княжения раздавал есть, умирая приказа старейшинство сыну своему Ягаилу, того бо възлюбю паче всех сынов своих и того избра в всей братьи его; ему же и княжение великое поручи...» (29, 118).

Двенадцатый по счету сын великого князя Литовского Ольгерда, Семен (Лугвений), не имел особых перспектив на своей родине и искал удачи на московской службе. Пять лет спустя Мария Дмитриевна умерла. Ее тело было привезено в Москву из Литвы и погребено в соборе Рождественского монастыря. А ее беспокойный муж еще долго сотрясал Восточную Европу ударами своего меча...

Четвертый сын Дмитрия Ивановича Семен родился неизвестно когда и умер еще ребенком 11 сентября 1379 года.

Пятым из братьев Дмитриевичей стал Андрей. Он родился в грозном для Москвы 1382 году, в страшные дни, когда полчища Тохтамыша уже приближались к Москве. Княгиня Евдокия разрешилась от бремени 14 августа, а меньше чем через две недели, 26 августа, татары захватили Москву, учинили страшный погром и сожгли столицу дотла. Сам Дмитрий Донской уехал в Кострому, оставив город на своих воевод. Это была ошибка, но не трусость. Средневековые войны носили личный характер. Тохтамыш шел на Москву, желая проучить своего зазнавшегося вассала. Отсутствие Дмитрия в Москве могло рассеять гнев хана. Исходя из этого расчета и было принято роковое решение.

Княгиня Евдокия – поистине «железная женщина» русской истории – вырвалась из охваченной мятежом столицы и помчалась вслед за мужем. В Переяславле-Залесском ее едва не схватили разъезды Тохтамыша, однако она ушла от погони и благополучно присоединилась к Дмитрию.

Появившийся на свет при столь драматических обстоятельствах Андрей, повзрослев, оказался весьма миролюбивым человеком. Возможно, именно эта черта характера позволила ему прожить полсотни лет, что было по тем временам большой удачей.

В первые годы брака Дмитрия Донского с Евдокией Суздальской дети рождались едва ли не каждый год. Летописцы даже не всегда считали нужным отмечать появление на свет девочек

– будущих знатных невест и верных жен для союзных Москве князей. В этом ряду будущих невест стоит и Анастасия Дмитриевна. Дата ее рождения неизвестна. Исходя из даты замужества – 23 сентября 1397 года, можно предположить, что Анастасия родилась вскоре после Андрея. Московских княжон обычно выдавали замуж рано – в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. Такова была установка эпохи. Замешкавшись с браком, девушка рисковала прослыть некрасивой или вообще остаться вековухой.

Шестой сын Дмитрия Донского – Петр. Он родился 29 июля 1385 года в тяжелую для Северо-Восточной Руси пору, когда разоренная Тохтамышем страна собирала огромную дань для умиротворения хана. Желая поддержать князя в эту трудную годину, крестным отцом младенца стал преподобный Сергей Радонежский.

Женский ряд детей Дмитрия Донского продолжила Анна Дмитриевна. По каким-то неясным, но, вероятно, веским соображениям летописец счел нужным отметить дату ее рождения – 8 января 1388 года. Возможно, летописец принял во внимание как генеалогические, так и политические соображения. Муж Анны, князь Юрий Патрикеевич, был внуком основателя литовской династии Гедимины. Их сын Иван со временем станет виднейшим боярином при дворе государя всея Руси Ивана III.

Седьмой сын Дмитрия Донского Иван – весьма загадочная фигура. Летописцы не отмечают дату его рождения. Известно лишь, что он скончался в июле 1393 года. По завещанию Дмитрия Донского Иван получил символический удел – всего лишь две подмосковные волости. Перед кончиной Иван принял монашеский постриг. По-видимому, он был от рождения больным или, может быть, умственно неполноценным. Примечательно, что похоронили его не в княжеском Архангельском соборе, а в притворе кремлевской церкви Спаса на Бору. Там, возле могилы матери Донского, княгини Александры, хоронили высшую московскую знать.

Восьмой и последний сын Донского – Константин. Он родился за четыре дня до смерти отца – 15 мая 1389 года. Константин отличался своенравным характером и за это позднее был лишен удела своим старшим братом великим князем Василием I. Как и брат Иван, Константин не был допущен (или не захотел) лечь рядом со старшими братьями в некрополе Архангельского собора.

* * *

Судьба всякого человека во многом определяется той наследственной матрицей, которую заложили в его духовные и физические кладовые родители. Отец Василия Темного великий князь Московский и Владимирский Василий Дмитриевич не стал исключением из этого вечного закона. Присмотримся к его биографии, следуя сообщениям летописцев и комментариям историков...

(Полезное напоминание: древнерусский год начинался с 1 сентября и исчислялся от Сотворения мира – за 5508 лет до Рождества Христова. Таким образом, 6879 год летописца – время между 1 сентября 1370-го и 31 августа 1371 года. Рождение Василия I по современному календарю произошло 30 декабря 1371 года. По *сентябрьскому* году это будет 6879 год. Изредка летописцы используют *мартовский* год, когда началом года считали 1 марта. Встречаются в древних летописях и *ультрамартовские* датировки, когда год начинался с 1 марта предшествующего года. В наше повествование мы будем давать хронологические справки по мере необходимости.)

Известие о рождении Василия летописец облек традиционной фразой, помещенной в конце годовой статьи 6879 (1371) года: «Тое же зимы месяца декабря 30 родися великому князю Дмитрию Ивановичю сын Василей» (35, 187). Имя Василий (по-гречески «царственный») было очень распространено среди русских князей той эпохи. Оно ставило носителя в один ряд с Владимиром (Василием) Святым, крестителем Руси, и Владимиром (Василием)

Мономахом, героем Киевской Руси. Но кроме исторических аллюзий была и прямая подсказка для имянаречения: согласно церковному календарю-месяцеслову, 1 января вспоминали одного из Отцов Церкви – Василия Великого, создателя общежительного монастырского устава.

О детских впечатлениях князя-дитя, а позднее князя-отрока можно только догадываться. Что видел Василий из окошка своего московского терема? Что слышал из тревожных разговоров родителей и бояр? Вечные происки заклятого врага Москвы князя Михаила Тверского... Большая война с Тверью в 1375 году... Война с Ордой, затеянная великим князем Дмитрием Ивановичем в 1374-м... Рождение и смерть братьев и сестер в московском дворце... Но самое увлекательное, самое волнующее детское воображение – чудеса в природе, черные пятна на солнце, небывалая засуха, когда горели леса и птицы падали замертво в удушливом тумане. А еще всполошный колокольный звон и чудесные исцеления недужных у гроба московского чудотворца митрополита Петра...

Прошел возраст княжеских постригов – три года. Этому древнему обычаю посажения на коня и срезанию пряди волос всё еще следовали в некоторых княжеских семьях. Но Москва, столица русских митрополитов, опасливо сторонилась полуязыческого обряда.

Пришел и другой важный возраст – семь лет. Но тут уже было не до торжеств. Летом 1377 года татары разгромили русских князей на реке Пьяне и сожгли Нижний Новгород. Беда приближалась к Москве.

«Татарове же одолевше христианом, и сташа на костех, полон весь и грабеж оставиша ту, а сами поидоша к Новугороду к Нижнему изгоном без вести. Князю же Дмитрею Костянтиновичю не бысть силы стати противу их на бои, но побежа в Суждаль, а люди горожане новгородстии разбежашася в судех по Волзе к Городцу. Татарове же приидоша к Новугороду к Нижнему месяца августа в 5 день <...> останочных людей и горожан избиша, а град весь и церкви и монастыри пожгоша; изгорело церквей в граде 32. Отыдоша же погании от града в пятницу иноплеменици, волости Новгородстии воюючи, а села жгучи, и множество людей посекоша, а жены и дети и девицы в полон без числа поведоша» (29, 119).

Дуумвират Дмитрия Суздальского и Дмитрия Московского дал трещину. Проснулся давний страх перед Ордой. Но великий князь Дмитрий Иванович, не дождавшись помощи тестя, разбил степняков на реке Воже, между Коломной и Рязанью. Многие увидели здесь Божий промысел: победа пришла незадолго до праздника Успения Божией Матери, 12 августа 1378 года.

«Того же лета ординский князь, поганый Мамай събрав вой многы, и посла Бегича ратью на князя великаго Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую. Се же слышав князь великий Дмитрей Иванович, събрав вой многы и поиде противу их в силе тяжце, и переехав за Оку, вниде в землю Рязанскую. И сретошася с татары у реки у Вожи» (29, 126–127).

Победа на Воже воодушевляла. Но самое страшное было впереди. Черной тучей поднялась Степь и пошла на Русь жарким летом 1380 года.

«Того же лета безбожнии и злочестивии ордынские поганые Мамай, събрав рати многы и всю землю Половецкую и Татарскую, и рати понаимовав, фрязы и черкасы и ясы, и с всеми поиде на великаго князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую» (29, 129).

Летописи и сказания не сообщают, где была семья великого князя Дмитрия Ивановича во время Куликовской битвы. Но едва ли он оставил их в Москве. Опасность была слишком близка... А если неудача? Тогда лавина Мамаевой конницы за два дня домчит до Москвы и опустошит всю Московскую землю...

Лучшим убежищем для княжеской семьи была Кострома. Этот город входил в состав великого княжения Владимирского. Там сидели московские наместники. Но главное – из Костромы можно было уйти вверх по реке Костроме на Сухону, в глухие вологодские леса, куда не любили заходить степные всадники. В Кострому два года спустя Дмитрий Иванович уйдет от Тохтамыша. Сюда же, вероятно, отправил он свою семью и во время войны с Мамаем.

Но бежать на этот раз не пришлось. Куликовская битва громыхнула великой победой. На всю жизнь Василий запомнил оглушительный колокольный звон, которым Москва встречала победоносных ратников Куликова поля. В триумфе Дмитрия несли богатые трофеи из стана Мамаю.

«И възвратися оттуду на Москву в свою отчину с победою великою, одоле ратным, победив врагы своя. И мнози вои его възрадовашася, яко обретаючи корысть многу: погна бо с собою многа стада, кони и вельблуды, и волы, имже несть числа, и доспехы, и порты, и товарь» (29, 130).

Прошло два года. Два года свободы, за которые пришлось расплачиваться ужасом нового нашествия – теперь Тохтамыш.

«И се прииде ему вестъ, что идет некий царь с востока, именем Тактамышъ, из Синие орды. Мамаи же, еже уготова на нь рать, с тою ратью готовую поиде противу его, и сретошася на Калкахъ. Мамаевы же князи, сшедше с конев своих, и биша челом царю Тактамышю, и даша ему правду по своей вере, и пиша к нему роту, и яшася за него, а Мамаю оставиша, яко поругана. Мамаи же, то видев, и скоро побежав с своими думцами и с единомысленики. Царь же Токтамышъ посла за ним в погоню воя своя и убиша Мамаю, а сам шед взя орду Мамаеву и царици его и казны его, и улус весь пойма, и богатство Мамаево взя, раздели дружине своеи» (29, 130).

«Князь же великий Дмитрей Ивановичъ, то слышав, что сам царь идетъ на него с всею силою своею, не ста на бои, ни противу его поднял руки, противу царя Тахтамышя, но поеха в свои град на Кострому. Царь же, перешед реку Оку, и преже всех взя град Серпехов и огнем пожже и (его. – Н. Б.), и оттуду поиде к Москве» (29, 132).

Летом 1382 года князь Дмитрий спас себя и свою семью, но спасти Москву он не сумел. Разгром был ужасающим. Но вопреки ожиданиям врагов Москвы Тохтамыш не стал тасовать карты и сохранил за Дмитрием не только Москву, но и великое княжение Владимирское. Ценой примирения стала не только огромная дань, которую Русь заплатила Тохтамышу, но и жизнь старших сыновей главных русских князей. Им велено было явиться в Орду и жить там при ханском дворе до особого распоряжения. В случае неповиновения князей их сыновей ожидала казнь.

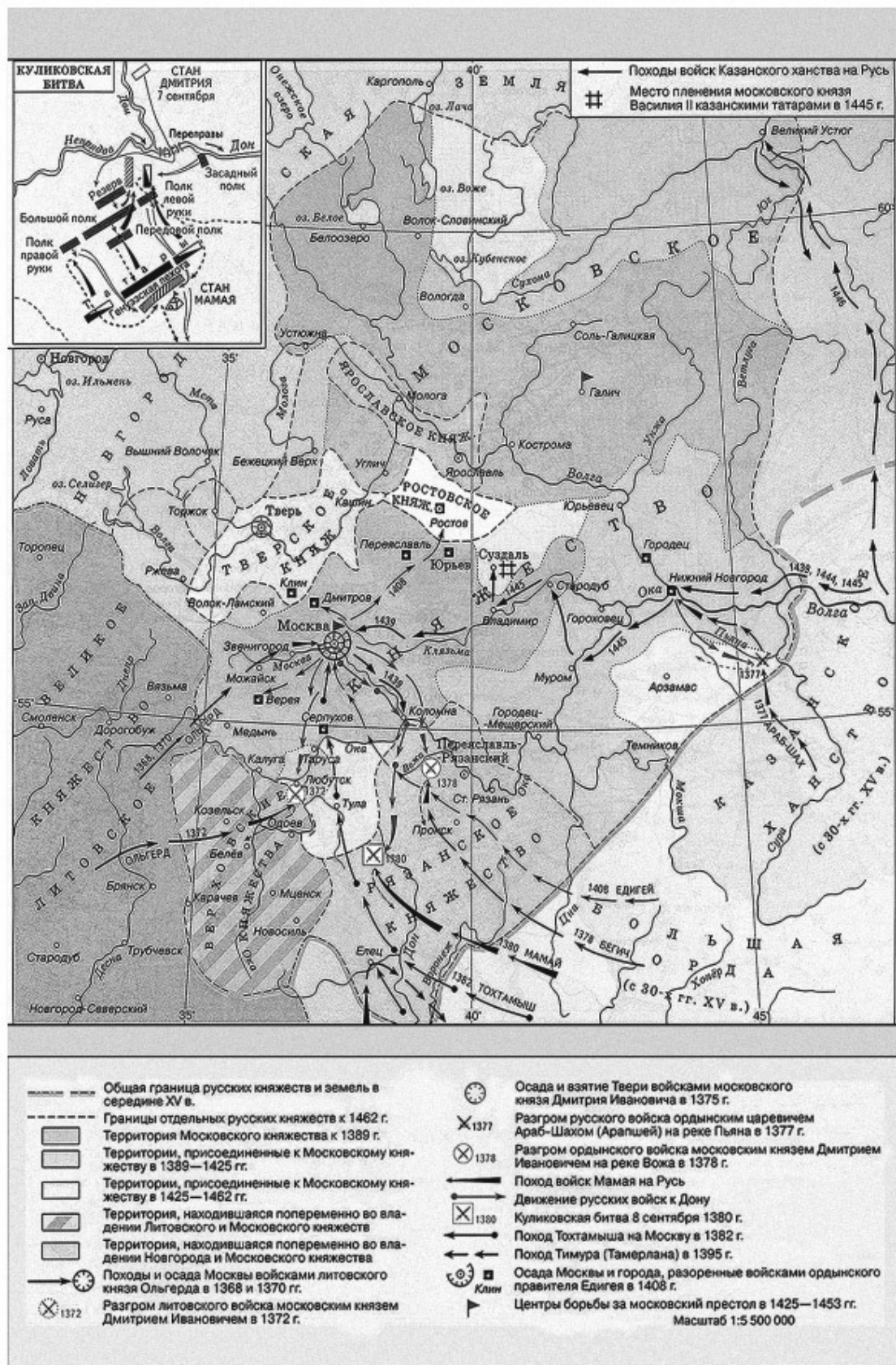
Три долгих года провел отрок Василий Московский и его товарищи по несчастью Василий Кирдяпа Суздальский и Федор Рязанский в Орде. За это время Василий не только выучился говорить на языке степняков, но и узнал их быт и нравы, усвоил их военное искусство. Конечно, жизнь в Орде в качестве заложника была полна угроз и унижений. Но привычка и опыт смягчили остроту переживаний. Василий близко познакомился с влиятельными фигурами ханского двора и самим Тохтамышем. Эти знакомства помогли ему бежать из Орды, а позднее, уже в качестве великого князя Московского и Владимирского, – успешно вести дела в Орде.

Прошло три года (1383–1386), и русские княжичи-заложники, рискуя головой, бежали из Орды. В истории этого побега много неясного. (Как тут не вспомнить другой побег: князя Игора из половецкого плена?!) Была ли между заложниками предварительная договоренность? Как могли отнестись к побегу их отцы – Дмитрий Донской, Олег Рязанский и Дмитрий Суздальский? Принял ли хан какие-то меры для их розыска? Наконец, какие распоряжения в этой связи были даны ханом отцам беглецов? Кто сопровождал беглецов в их предприятии? Вопросов много, но ответ один – неизвестность. Разночтения летописей еще сильнее запутывают дело. Вот самые общие контуры событий.

Наследник московского престола Василий ушел из Орды степями на запад, во владения валашского правителя Петра Мушата. Оттуда беглец и сопровождавший его боярин перебрались в Литву (по другим источникам – «в немецкую землю»), где они попали в руки литовского князя-изгнанника Витовта. Тот увидел пользу для себя в том, чтобы породниться с Москвой

путем брака княжича Василия со своей дочерью Софьей. Василий не мог решиться на такое серьезное дело без благословения родителей. Литовские гонцы поспешили в Москву. Опасаясь за жизнь сына, княгиня Евдокия уговорила мужа дать свое согласие. Скорые гонцы привезли в Литву ответ князя Дмитрия – родительское благословение на брак Василия и Софы.

Дело сладилось. Московские бояре поехали на встречу к Витовту. Там, «в немецкой земле», в рыцарском замке Мальборке, они встретили наследника Василия и проводили его в Москву. 19 января 1388 года Василий с боярами вернулся домой.

Возвышение Московского княжества. *Середина XIV – середина XV в.*

Очевидно, что, получив обратно сына Василия, Дмитрий Донской мог и отказаться от брака Василия с Софьей Витовтовной, сговоренного в плену, по принуждению. Предвидя это,

Витовт, вероятно, взял кого-то из московских послов в заложники до самой свадьбы. Но главное препятствие было всё же не в этом. Втянутые Витовтом в брачную интригу правители колебались, отыскивая свою выгоду и опасаясь обмана. Дмитрий Донской боялся литовским браком испортить свои и без того натянутые отношения с Тохтамышем. (Впрочем, Тохтамыш, кажется, не проявлял недовольства этими приготовлениями.) Главным энтузиастом брачного союза всё же был, по-видимому, сам наследник престола Василий. В конце концов жену выбирали для него не только ради дипломатической выгоды. Софья приглянулась ему при первой же встрече. Но пока был жив отец жениха, решающее слово принадлежало ему.

Осенью 1390 года невеста со свитой отправилась из немецкой Пруссии в далекую Москву. Путь свадебного кортежа пролегал из Мальборка – резиденции магистра Тевтонского Ордена, где, спасаясь от преследований своего кузена, польского короля Ягайло, жил тогда Витовт, – морем через Пернов и Нарву и далее через Псков и Новгород. Это было время осенних штормов на Балтике. Но невеста оказалась не из робких. Преодолев все препятствия, 1 декабря 1390 года Софья в сопровождении свиты въехала в Москву. 9 января 1391 года состоялась долгожданная свадьба.

(Обращает внимание странный выбор дня для свадьбы – понедельник. Обычно такого рода торжества справляли в субботу или воскресенье. Понедельник в те времена, как и ныне, считался «днем тяжелым», неудачным для хороших начинаний (56). Возможно, на выбор дня повлиял месяцеслов. 9 января церковь славил мученика Полиевкта, почитавшегося и у православных, и у католиков строгим блюстителем клятв и договоров (101, 16). Свадьба стала исполнением договора, заключенного Василием с Витовтом при их первой встрече. Исполнение этого договора долгое время было под угрозой. Но теперь всё исполнилось, и обет мученику Полиевкту был наконец выполнен.)

Источники весьма сбивчиво и противоречиво излагают историю женитьбы Василия. Соответственно, историки по-разному выстраивают ход событий (114, 78).

Брачные проекты правителей всегда отличались сложностью и хрупкостью. Благодаря многодетности Ольгерда рынок титулованных женихов сильно пополнился. Дмитрий Донской еще в середине 1380-х годов пытался наладить московско-литовский династический союз путем брака одной из своих дочерей с великим князем Литовским Ягайло Ольгердовичем. Однако долгие переговоры окончились для Москвы полным провалом. В искусстве матримониальной интриги поляки оказались сильнее «московитов». Объединение Литвы и Польши путем брака Ягайло и королевы Ядвиги представляло для Польши больше выгод, чем брак великого князя Литовского с дочерью «ханского улусника» Дмитрия Донского.

* * *

После кончины Дмитрия Ивановича в 1389 году московская политика делает поворот в сторону сближения с Ордой. В этом было много личного. После Куликовской битвы и нашествия Тохтамыша Дмитрий Донской уже не мог лично являться в Орду. Там его ожидало по меньшей мере унижение, а скорее – прямая расправа вроде той, которой подверглись когда-то в ставке хана Узбека тверские князья. Василий был свободен от этих страхов. Он никогда не поднимал меч на ордынцев и всегда был верноподданным правящего хана.

Взойдя на московский трон, восемнадцатилетний Василий принялся за устройство своего княжества. Для начала он уладил семейные отношения с серпуховским князем Владимиром Андреевичем Храбрым, обиженным разделом наследия Дмитрия Донского.

«Того же лета князю великому Василию Дмитриевичу бысть розмирие с князем с Володимиром Андреевичемъ. Князь же Володимер с сыном своим с князем Иваном и с своими бояры старейшими поеха в свои град Серпохов и оттуду в Торжок, и тамо пребысть неколико время в Тербенском, дондеже умиришася» (29, 139).

«Тое же зимы по Крещении князь великий Василен Дмитриевич взя мир и любовь с князем Володимером Андреевичем и удели ему неколико городов, вда ему Волок да Ржеву» (29, 139).

Незадолго до кончины Дмитрий Донской отнял у кузена два города с волостями – Дмитров и Галич Костромской. Причины этой немилости остаются неизвестными. Но Василий понимал, что он должен как можно скорее уврачевать рану, нанесенную самолюбивому Владимиру Храброму. Теперь вдобавок к своему прежнему уделу Владимир получил от молодого великого князя два «жирных куска» – Волок и Ржеву. Это был рискованный шаг со стороны Василия: обе крепости находились близ границы с Литвой. Владимир Серпуховской был женат на дочери Ольгерда и имел широкие связи в Литве. В принципе он вполне мог сыграть роль мятежника в Московском правящем доме. Но будущее показало, что единственным мотивом возмущения и резких движений Владимира Серпуховского было задетое самолюбие. Об измене московскому делу речи не шло.

Другой большой вопрос, доставшийся Василию из политического наследия отца – смута на митрополии. Как все харизматические лидеры, герой Куликова поля ощущал личную связь с небесными силами и потому позволял себе произвол в отношении иерархов. Он вмешивался в церковные дела, желая иметь на кафедре митрополита Киевского и всея Руси своего ставленника. Своих людей пытались провести на кафедру и Литва, и Константинополь. Василий решил пойти на уступки в этом вопросе и сделать шаг навстречу своему тестю Витовту. Он принял на московскую кафедру литовского ставленника болгарина по происхождению и византийца по службе Киприана. Так, отступая и наступая, начал он свой путь «великого князя всея Руси» – как гордо именовал себя Василий I в отношениях с Великим Новгородом.

Глава 2

Суздальские споры

Имя старинного, а ныне туристического городка Суздаля знают все. Многие бывали там на экскурсиях или в одиночных путешествиях. Огромная мощенная булыжником площадь... Торговые ряды... Сувенирные лавки... Царапающие небо колокольни... Всё привычно и знакомо. Но историю Суздаля знают немногие. А между тем этот пряничный городок мог стать столицей Руси, мог подчинить себе всю Северо-Восточную Русь. Мог, но не стал, не подчинил... Судьба и какое-то историческое невезение. Впрочем, Суздаль вполне доволен и своим нынешним положением. Тишина, чистый воздух, покой глубокой провинции... И всё же взгляды в прошлое Суздаля. Оно того заслуживает.

Суздальско-Нижегородское княжество на исторической карте напоминает цифру 8. Два кружочка, маленький и большой, связанные узкой перемычкой. Маленький – Суздальское княжество, большой – Нижегородское. Такую причудливую фигуру нарисовала история.

Самым могущественным суздальским князем XIV столетия был дед Василия I по линии матери Дмитрий Константинович. Породнившись с московской династией в результате брака дочери Евдокии с Дмитрием Московским, Дмитрий Константинович получил большие политические возможности. Однако по-настоящему воспользоваться этими возможностями он так и не сумел.

За свою долгую жизнь (1324–1385) Дмитрий Константинович имел возможность в полной мере проявить как свои достоинства, так и свои недостатки. Последних, к сожалению, оказалось больше...

Наиболее заметной чертой его характера было непомерное честолюбие. Он явно переоценивал как свои собственные возможности, так и возможности своего княжества. За ошибки правителя расплачиваться приходилось его подданным...

Честолюбие князя Дмитрия подогревали его рано повзрослевшие сыновья – Василий Кирдяпа, Иван и Семен.

«Имя – тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность», – говорил Павел Флоренский (116, 26). Уникальное прозвище старшего сына Дмитрия Константиновича – Кирдяпа – до сих пор не имело убедительного истолкования. В древнерусском языке такого слова нет, как нет другого такого имени и в тогдашней ономастике. На наш взгляд, прозвище Кирдяпа, полученное князем при жизни, происходит от тюркского корня «кир» – «грязь». Кирдяпа – русская обработка тюркского корня с помощью суффикса «дя» и окончания «па». Пример словообразования с помощью суффикса «дя»: трудиться – трудяга, бродить – бродяга. Имя Кирдяпа в значении «грязный», «покрытый грязью», «грязнуля» явилось в результате взаимодействия русского и тюркского языков и носит насмешливый, уничижительный характер. Подобное прозвище вполне в духе русского языка. Например – Горбатый, Брюхатый, Ушатый. Прямая аналогия – известный опричник Ивана Грозного Василий Грязной и его родня.

В письменных источниках XIV–XV веков встречается много тюркских имен, так или иначе вросших в русскую историю и русский язык. Так, например, история гибели в Орде князя Михаила Тверского в 1318 году откроется новой гранью, если учесть, что имя главного злодея и клеветника, виновника гибели святого князя – Кавгадый. Это имя явно происходит от тюркского слова «кавга» – «смутьян», «баламут». Носил ли это имя (прозвище?) ордынский воевода с рождения или оно дано ему в связи с историей Михаила Тверского?

Известно, что язык – своего рода исторический источник. Давний спор о том, что представляло собой в повседневности татаро-монгольское иго, может стать чуть более предметным, если посмотреть на дело с той, ордынской стороны. При всей уязвимости этого источника –

сколько веков прошло, сколько языков смешалось! – он всё же может порадовать историка, стесненного узостью источниковой базы.

Но вернемся к князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Небывалая удача его дяди Александра Васильевича, ставшего вдруг великим князем Владимирским в 1329 году, быстрый рост Нижнего Новгорода при князьях Константине Васильевиче и Андрее Константиновиче вскружили ему голову. Подобно тверским князьям, он был слишком самоуверен. Это качество сводило на нет даже те скромные таланты, которыми он обладал. И судьба не замедлила преподать ему жестокие уроки.

Ввязавшись в тяжбу с Москвой за великое княжение Владимирское (1360–1364), он вышел из этого спора безо всякого успеха и с сильно подмоченной репутацией.

Вскоре выяснилось, что даже младший брат Борис не боится Дмитрия и не признаёт за ним права старшинства. После кончины князя Андрея Константиновича в 1365 году Борис стремительным набегом захватил Нижний Новгород. Предполагавший торжественно занять старший стол Дмитрий вместе с матерью, княгиней Анной, суздальским владыкой и большой свитой оказался перед закрытыми городскими воротами. Более глупого и унижительного положения трудно было вообразить.

Не решившись брать штурмом собственную столицу, сорокалетний Дмитрий Константинович вступил на путь переговоров. Вначале он отправил своих сыновей Василия и Семена к Борису для выяснения его намерений. Намерения оказались просты и состояли в удержании захваченной столицы. Тогда Дмитрий Константинович послал старшего сына Василия Кирдяпу с жалобой на действия Бориса в Орду.

Всё это мало продвигало дело. И тогда Дмитрий Константинович обратился за помощью к своему недавнему сопернику в борьбе за великое княжение Владимирское – пятнадцатилетнему московскому князю Дмитрию Ивановичу.

В Москве в то время решающий голос принадлежал митрополиту Алексею. Это был человек широкого политического кругозора. Он понимал, что силовое вмешательство Москвы в суздальскую усобицу на стороне Дмитрия Константиновича тотчас вызовет жалобу Бориса своему тестю Ольгерду. Дальнейший сценарий развития событий был очевиден. Литовский князь давно соперничал с москвичами и пытался установить свой контроль над киево-брянским, смоленским и новгородско-псковским регионами. Ему было бы очень выгодно посадить своего зятя Бориса в Нижнем Новгороде, в тылу у москвичей. Поэтому он не замедлит прийти на помощь Борису, послав свои полки на Москву как раз в тот момент, когда московские полки будут заняты осадой Нижнего.

Опасаясь такого развития событий, митрополит Алексей решил помочь Дмитрию Константиновичу мирными, церковными средствами. Он послал в Нижний Новгород своих представителей: сначала игуменов Герасима и Павла, а затем – игумена Сергия Радонежского. Взывая к христианской совести Бориса, они убеждали его уступить Нижний Новгород старшему брату. Но Борис был тверд в своем решении. Его не испугала даже угроза интердикта – прекращения богослужения во всем городе.

Не знаем, как Борис мотивировал столь явное попрание традиций старшинства. Возможно, он ссылался на то, что главным городом княжества издавна был Суздаль, и советовал Дмитрию отправиться туда. А может быть, Борис козырял ярлыком на Нижний Новгород, полученным от какого-нибудь очередного ордынского хана.

Исчерпав мирные средства и ославив Бориса как врага церкви, Москва решила, наконец, поддержать Дмитрия Константиновича военной силой. На помощь ему было послано войско, с которым он и подошел к Нижнему Новгороду.

Летописи умалчивают о литовском аспекте этого конфликта. Однако было бы странно думать, что Борис оставил без употребления свой самый сильный козырь. Очевидно, Ольгерд был занят тогда более важными делами и не успел прийти на помощь зятю.

Трезво оценив обстановку, Борис решил, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и ушел в Городец, уступив Нижний Новгород Дмитрию Константиновичу. В Суздале Дмитрий оставил своего старшего сына Василия.

Погрязшие в усобицах ордынские ханы в 60-е годы XIV века ослабили контроль над русскими землями. Московские политики строили в это время смелые планы. Заключив прочный династический союз с Дмитрием Константиновичем, они решали важную стратегическую задачу. Нижний Новгород закрывал подходы к Владимиру и Москве с востока. Через него проходил торный путь в районы Верхнего Поволжья и на Клязьму. Этот город занимал ключевое положение во всем регионе. Его значение в полной мере раскрывалось лишь в условиях ослабления Орды, когда русские князья могли не только заключать оборонительные союзы для отражения грабительских набегов, но и разворачивать систематическое наступление на ордынские улусы в Среднем Поволжье.

К сожалению, источники почти не дают сведений о том, что происходило в это время на территории бывшей Волжской Болгарии. Однако повышенное внимание к этому региону как татарских «царевичей», так и соседних русских князей позволяет думать, что настал час раздела «болгарского наследства». И в этой связи значение Нижнего Новгорода как «последней станции» на пути в Казань резко возрастало.

Князь Дмитрий Константинович не обладал стратегическим мышлением и не ставил перед собой исторических задач. Однако кое-что в этой жизни он понимал правильно. Имея за собой двух братьев-соперников, один из которых был женат на дочери Ольгерда, Дмитрий Константинович нуждался в династическом союзе с Москвой. Он охотно пошел на переговоры с московскими сватами. Дело сладилось. 18 января 1366 года в Коломне была сыграна свадьба пятнадцатилетнего Дмитрия Московского и младшей дочери Дмитрия Константиновича Евдокии. Несколько лет спустя и старшая дочь Дмитрия Константиновича Мария была выдана замуж в Москву, за боярина Николая Васильевича Вельяминова.

Водворившись в Нижнем Новгороде с московской помощью, Дмитрий Константинович вскоре понял, что усидеть на Синичьих горах не менее сложно, чем взобраться на них. Не только в прямом, но и в переносном смысле город стоял на юру и был открыт всем напастьям. Волга была самой большой дорогой Руси. По большой дороге, как известно, гуляет как добро, так и зло.

Первой проблемой, с которой пришлось столкнуться Дмитрию Константиновичу, были бесчинствовавшие на Волге речные пираты – ушкуйники. Этот род пиратства зародился в Великом Новгороде. Привыкнув наживаться за счет грабежа лесных народов Севера, новгородские «удальцы» перенесли этот обычай на Волгу и ее притоки. Снаряжением экспедиций занимались новгородские бояре. Летом 1366 года целая флотилия (около двухсот лодок-«ушкучев», в каждой – по 20 головорезов) внезапно появилась под стенами Нижнего. Они разграбили весь нижегородский торг и ушли дальше по Волге так же неожиданно, как и появились. Князь Дмитрий Константинович не сумел защитить свою столицу.

Спустя несколько лет Нижний Новгород вновь подвергся атаке «ушкуйников», которые разграбили город и ушли вниз по Волге. Летописец отмечает, что этой пиратской флотилии удалось дойти до самой Астрахани, где их обманом захватил и уничтожил местный правитель.

Летом 1367 года в нижегородских землях явился другой грабитель – ордынский изгой князь Булат-Темир. Опустошив юго-восточные районы княжества, он двинулся прямо на Нижний. На сей раз Дмитрий Константинович успел призвать на помощь братьев, и общими усилиями они отогнали Булат-Темира обратно в Дикое поле.

С юга и с востока владения нижегородского князя граничили с землями мордвы, волжских болгар и марийцев («горной и луговой черемисы»). Возмущенные теснившей их русской колонизацией, они часто оказывали содействие идущим на Нижний Новгород татарским отря-

дам. Это, в свою очередь, вызывало карательные операции русских войск. В целом отношения с лесными народами были достаточно напряженными.

Крайне сложной была в эту пору обстановка и в Волжской Болгарии. В 1370 году Дмитрий Константинович, по распоряжению Орды, посылал на болгар войско под началом своего брата Бориса. Этот поход завершился сменой правителей в Волжской Болгарии. Однако обстановка на русско-болгарской границе оставалась тревожной. В 1372 году князь Борис поставил в своих владениях на Суре пограничную крепость Курмыш.

Все эти внешние угрозы заставили князя Дмитрия Константиновича начать строительство в Нижнем Новгороде каменного кремля. Прямым примером для него служила Москва, где в 1367/68 году была построена каменная крепость. Вероятно, митрополит Алексей дал Дмитрию Константиновичу не только полезный совет о постройке крепости, но и мастеров, работавших в Москве.

Под 1372 годом летопись сообщает о закладке Нижегородской крепости. К этому времени у нижегородцев уже имелся некоторый опыт каменного строительства. Годом раньше они поставили каменную церковь Николы на Бечеве.

Строительство крепости шло медленно. Князь Дмитрий Константинович не проявил в этом деле необходимой расторопности и настойчивости. В конечном счете именно отсутствие мощных укреплений и позволило татарам без труда захватить Нижний Новгород в августе 1377 года.

Едва успев поставить первую башню своей новой крепости, Дмитрий Константинович почувствовал себя недостижимым для врагов. Осенью 1374 года он со всем семейством участвовал в княжеском съезде в Переяславле-Залесском. Поводом для съезда было рождение у Дмитрия Московского сына Юрия. Княгиня Евдокия – дочь Дмитрия Константиновича – принимала поздравления и подарки. Однако под звон серебряных чаш шли доверительные разговоры не только о семейных делах. Дмитрий Московский, которому в ту осень исполнилось 24 года, решил, что настало время подвигов. Пора сбросить власть поганой Орды. Дмитрий призывал князей объединиться для войны с Мамаем.

Известно, что с возрастом человек становится осторожнее. Но коренные черты характера всё же не меняются. Дмитрий Суздальский был человеком переменчивым. Он легко воодушевлялся и так же легко впадал в панику. Под впечатлением достигнутых в Переяславле договоренностей он приказал Василию Кирдяпе перебить стоявший в Нижнем Новгороде татарский отряд. Отныне путь назад был заказан. Татары не прощали убийства своих послов.

Месть за убийство ордынских послов была делом чести пославшего их хана Абдулы и реального правителя Орды темника Мамаю. Кроме того, и сам по себе союз двух Дмитриев, зятя и тестя, вызвал недовольство степняков. Мамай, под властью которого собрались улусы правого берега Волги, решил начать разгром русского дуумвирата с его слабейшего звена – Дмитрия Константиновича. Уже летом 1375 года татары из Мамаевой Орды совершили набег на его столицу – Нижний Новгород. Не взяв крепости, они страшно разорили окрестности и с большим пленом ушли в Орду.

Во время этого набега Дмитрий Суздальский находился далеко от родных пенатов. Верный союзу с Дмитрием Московским, он ходил на Тверь в составе объединенных сил летом 1375 года. Однако полного разгрома Твери не произошло. Хорошо укрепленный князем Михаилом Александровичем город выдержал все приступы союзных войск. Осада затягивалась, наступала дождливая осень. Желая поскорее закончить дело, Дмитрий Московский удовольствовался победным мирным договором, выполнять который Михаил Тверской отнюдь не собирался

* * *

Волжские болгары помогли татарам внезапно напасть на Нижний Новгород. Не надеясь на собственные силы и желая хорошенько припугнуть болгар, Дмитрий Константинович в начале 1376 года обратился за помощью к Дмитрию Московскому. Тот прислал рать под началом опытного воеводы, своего шурина Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. Нижегородские и суздальские полки повели сыновья Дмитрия Константиновича Василий Кирдяпа и Иван. 16 марта союзники подошли к Казани и начали осаду города. После некоторого сопротивления болгарские князья согласились заплатить большой выкуп и признать себя данниками великого князя Московского.

На следующий, 1377 год татары решили нанести новый, сокрушительный удар по Нижнему Новгороду. Некий царевич Арапша из Синей Орды (возможно – по договоренности с Мамаем) двинулся в нижегородские пределы. Князь Дмитрий Суздальский поспешил призвать на помощь московские полки. Дмитрий Московский двинулся на помощь тестю. Однако татары умело использовали свою старую военную хитрость – распространение ложных слухов. Этим способом они убедили Дмитрия Московского, что опасность миновала и Арапша ушел куда-то далеко в степи. Князь вернулся в Москву, оставив, впрочем, в Нижнем своих воевод с полками. Но тут была пущена новая волна слухов, согласно которым Арапша объявился где-то далеко на юге, на Волчьих водах, в районе современной Самары.

Московские полки не могли долго стоять в чужом для них Нижнем Новгороде. Дмитрий Константинович решил отправить их вместе со своими воинами в погоню за Арапшой. Командовать походом он поручил своему сыну Ивану, призванному из Суздаля...

Этот поход вошел в историю как символ традиционной русской беспечности. Переправившись через реку Пьяну (левый приток Суры), воеводы расположились на отдых, полагая, что татары далеко. Между тем мордовские князья скрытно подвели находившихся неподалеку татар к русскому лагерю. 2 августа 1377 года они напали на растерявшихся русских ратников и учинили кровавое побоище. Многие воины, среди которых был и главнокомандующий – сын Дмитрия Константиновича Иван, утонули в реке Пьяне, пытаясь спастись от погони.

Оставив на месте битвы все трофеи и пленных, татары, не теряя времени, погнали коней к Нижнему Новгороду.

Узнав о происшедшем, князь Дмитрий Константинович бросил город на произвол судьбы и уехал в Суздаль. Вслед за ним из города побежала и вся знать. 5 августа 1377 года татары без особого труда захватили Нижний Новгород, разграбили и подожгли город. По сообщению летописи, в начавшемся страшном пожаре сгорели 32 церкви. Покинув пепелище, татары рассыпались по округе в поисках добычи.

Арапша не собирался долго задерживаться в нижегородских пределах. Его главная добыча, пленные, была товаром «скоропортящимся». Их нужно было кормить, поить и сторожить. «Царевич» торопился поскорее избавиться от этой доуки, продав пленных на ближайшем рынке рабов. Кроме того, Арапша слабо представлял себе возможности русских князей и полагал, что они попытаются атаковать его рассыпавшийся отряд с целью отбить полон и отомстить за поражение.

Уходя на восток, Арапша разорил все русские поселения за рекой Сурой, в землях волжских болгар. Самих болгар он не тронул. Более того, своим походом на русских он по сути дела выполнял их «заказ».

Эти события чрезвычайно ослабили Нижегородское княжество, главным источником силы которого был сам Нижний Новгород с его многолюдным посадом, купеческими лавками, ремесленными мастерскими и корабельными пристанями.

Татары ушли. Теперь правителям надлежало возвращать жизнь в нормальное русло, извлекать уроки и наказывать виновных. Князь Дмитрий Константинович не проявлял в этом деле никакой инициативы. Летописи молчат о нем в эти страшные времена. Кажется, он просто выжидал в каком-то далеком углу своего княжества. Впрочем, год спустя мы находим его в Городце на Волге, в уделе брата Бориса.

На пепелище Нижнего Новгорода первым приехал из Суздаля наследник престола Василий Кирдяпа. Он послал людей, чтобы отыскать и привезти в город тело младшего брата Ивана, утонувшего в реке Пьяне во время бегства русских полков.

Воспользовавшись разгромом Нижегородского княжества, его соседи мордовские князья решили поживиться тем, что осталось после татар. Они совершили набег и увели множество пленных. Очевидно, татары унесли и увели далеко не всё, чем наполнилась Нижегородская земля в годы ее благоденствия.

В ответ на дерзость мордовских князей зимой 1377/78 года состоялись два карательных похода русских войск. Ими командовал брат Дмитрия Константиновича Борис, правивший тогда в Городце. Во втором походе участвовала и присланная из Москвы рать под началом воеводы Федора Свибла. В итоге земли мордвы были страшно опустошены. В назидание недругам в Нижнем Новгороде была устроена публичная казнь пленной мордве. Их волочили голыми по льду реки и травили псами.

Летом 1378 года татары вновь нанесли удар по Нижнему Новгороду. Возможно, их призвали уцелевшие после карательных экспедиций Бориса Городецкого мордовские князья.

Как и прежде, город оказался не готов к обороне. Князь Дмитрий Константинович был в это время в Городце. Не имея предводителя и не надеясь на защиту недостроенных стен, жители Нижнего при известии о приближении татар попросту разбежались. Князь Дмитрий пытался договориться с татарами и предлагал им выкуп при условии, что они не тронут город. Однако татары отвергли выкуп и разгромили город, или, скорее, то, что осталось от него после первого погрома летом 1377 года.

Удача отвернулась от Дмитрия Суздальского. Он упал духом и более не проявлял себя никакими решительными действиями. Война с Мамаем, завершившаяся Куликовской битвой, продолжалась уже без его участия. Запуганный татарами, князь поспешил выразить свою покорность хану Тохтамышу, двинувшему свои полки на Москву летом 1382 года. Он отправил к Тохтамышу своих сыновей Василия Кирдяпу и Семена, которые пришли с татарами под стены Москвы. Здесь они сыграли весьма неблагоприятную роль, поручившись москвичам за то, что хан не станет захватывать город. Положившись на княжеское слово, москвичи открыли ворота и были жестоко наказаны за доверчивость. Тохтамыш разгромил Москву, а сыновей Дмитрия Константиновича увел в Орду в качестве заложников. Впрочем, младший из них, Семен, был вскоре отпущен к отцу. Василий же Кирдяпа остался в Орде.

Нашествие Тохтамыша подало надежды всем недругам Москвы. Они ожидали большого передела власти на Руси. В 1383 году многие князья отправились в Орду. Как мы знаем, взят был Тохтамышем в заложники и сын Дмитрия Московского Василий.

Засвидетельствовать почтение новому хану поехал и Борис Городецкий. Вскоре за ним поспешил его сын Иван. Князь Дмитрий Константинович в Орду не поехал, а вновь отправил туда сына Семена...

Степные дороги давно развеял ветер времен. А когда-то они были местом встречи жизни и смерти. Многие тысячи русских пленников прошли здесь в одну сторону. Степные хищники, спешащие в набег на Русь, – в другую. А еще телеги с подарками хану и тяжеловесной русской данью... Дорога в Орду с ее трудностями и опасностями была испытанием даже для русских князей, хранящих в переметной суме серебряную ханскую пайцзу – защиту от всякого произвола, которым так обильна была Степь. Но для Дмитрия Суздальского всё это теперь не имело значения. Он больше не собирался ехать в Орду. Перед ним открывался иной путь. 5 июля

1383 года Дмитрий Константинович скончался, приняв перед смертью монашеский постриг с именем Феодор. Прах его был погребен в Спасском соборе Нижнего Новгорода рядом с могилой его отца – первого нижегородского князя Константина Васильевича.

И вновь сработала обычная схема семейного раскола: вспыхнул спор за власть между дядей и племянником. Кончина Дмитрия Константиновича послужила сигналом к началу борьбы между его сыновьями Василием Кирдяпой и Семеном с одной стороны и Борисом Городецким – с другой. Борис уже давно примеривался к роли первого лица в княжестве. Однако его останавливала решительная поддержка, которую оказывала Дмитрию Константиновичу Москва.

Москвичей настораживали литовские связи Бориса, женатого на дочери Ольгерда. Постоянно враждовавшая с Литвой Москва видела в лице Бориса литовскую засаду у себя за спиной. В критических обстоятельствах он мог нанести удар с тыла, со стороны Владимира-на-Клязьме. Не случайно зимой 1370 года, во время второго нашествия Ольгерда на Москву, митрополит Алексей находился в Нижегородской земле. Учитывая честолюбие и воинские таланты Бориса, москвичи категорически не хотели допустить его на первую роль в Суздальско-Нижегородском княжестве. Бездарный Дмитрий Константинович, не умевший защитить свою столицу от татар, казался им предпочтительнее.

В результате Борис остался героем без подвига. Почти 18 лет провел он в удельном захолустье. Городец, при всей красоте его расположения на высоком берегу Волги, был всё же скорее селом, чем маленьким городом. А между тем Борис уже устал от однообразия провинциальной жизни, от тщетного желания славы и подвигов.

* * *

Известие о кончине Дмитрия Суздальского настигло Бориса Городецкого в Орде. Вместе с другими русскими князьями он явился туда, чтобы засвидетельствовать почтение новому хану Тохтамышу. Теперь для него настал долгожданный миг удачи. Практически не имея соперников, Борис получил от хана ярлык на Нижний Новгород при сохранении за ним Городца.

Сын Дмитрия Суздальского Василий Кирдяпа находился тогда в Орде на положении заложника. Вероятно, и он тоже заявил о своих наследственных правах и заслугах. Хан, конечно, не забыл «служебника», ценой вероломства купившего ему победу над Москвой. Однако известно, что «оказанная услуга не стоит ни гроша». На двоих с братом Семеном Василий Кирдяпа получил всего лишь увядавший Суздаль...

Суздальские племянники не беспокоили Бориса до 1387 года, когда Василий был отпущен из Орды. Он получил от хана ярлык на Городец.

В этой внезапной милости можно усмотреть «руку Москвы». Оправившись после нашествия Тохтамыша, князь Дмитрий Московский стал понемногу возвращаться к своим политическим целям. Уладив отношения с Новгородом и Рязанью, он занялся Нижним Новгородом. На этом троне Дмитрию нужен был смелый и преданный человек. Но для начала следовало, как это обычно делалось, разделить местных князей и поддержать одну из враждующих «партий». Так оно и получилось...

Вернувшись из ордынского плена, Василий Кирдяпа тотчас соединился с братом Семеном и поднял мятеж против сидевшего в Нижнем Новгороде Бориса. Ханский ярлык, полученный Борисом, уже не был бесспорным аргументом в княжеских спорах. Орда стала давать ярлыки всякому, кто готов был за них заплатить. А дальше – спор решался своими силами на Руси.

Москва отправила на помощь суздальским братьям сильное войско.

(Отметим политический цинизм Дмитрия Донского: он взял под свое крыло тех самых суздальских братьев, которые за пять лет до этого помогли Тохтамышу захватить Москву. Вспоминал ли при этом Дмитрий о том, как хоронил то ли 12, то ли 24 тысячи трупов в сожженной Москве? Бог весть...)

Простояв под городом восемь дней, племянники заставили Бориса сдаться и уехать в Городец. Говорят, что на прощанье раздосадованный Борис оставил племянникам зловещее пророчество: «Милые мои сыновцы, ныне яз от вас плачу, потом же и вы всплачете от врагов своих» (23, 93).

* * *

Кончина Дмитрия Донского 19 мая 1389 года подала надежду всем жертвам московского произвола. Князь Борис Городецкий кинулся в Орду и там после долгих мытарств получил у хана ярлык на Нижний Новгород. Вернувшись на Русь, он занял Нижний и бросил в темницу своего племянника Василия Кирдяпу. Другой его племянник, Семен, оказался более проворным и ускользнул в Орду. Борис Константинович успел захватить лишь его жену и детей.

Великий князь Московский Василий Дмитриевич (1389–1425) в «суздальском споре» продолжил политику своего отца – союзные отношения, а затем медленное поглощение Нижегородского княжества. Благоклонное отношение Орды к этому обеспечивалось подкупом и дарами ханскому двору. Хорошо зная обстановку в Орде, где Тохтамыш был озабочен прежде всего наступлением Тимура и для укрепления своих сил нуждался в деньгах, Василий в 1392 году лично явился к хану и получил от него ярлык на Нижний Новгород. В этом Василию помогли его доброхоты из числа ханских приближенных. Дружба с «нужными людьми», подкрепленная щедрыми дарами, была основой успехов в Орде.

В начале правления Василия I все прочие дела отступали перед отношениями с Ордой. Зрелище сожженной Тохтамышем Москвы всегда стояло перед глазами юного князя. Он знал, что Орда не любила, когда кто-то из князей слишком редко посещал ханскую ставку и забывал поднести подарки.

16 июля 1392 года Василий отправился на поклон к хану Тохтамышу (33, 132). Зная о тяжелом положении хана, Василий надеялся выкупить ярлык на материнский удел – Суздаль и Нижний Новгород. Приводим рассказ Симеоновской летописи:

«Того же лета сложи князь великий Василей Дмитриевич целование крестное князю великому Борису Костянтиновичю Нижняго Новагорода и поиде в орду к царю Тактамышю, и нача просити Новагорода Нижнего себе, княжения князя великаго Борисова, на кровопролитие, на погибель христианскую. Безбожнии же татарове взяша злато и серебро многое и дары великие, и взя Нижний Новъгород златом и серебром, а не правдою; якоже рече Писание: безумнаго очи конец вселенныя. И поиде на Русь с послом, и бысть на Коломне, сам поиде к Москве, а посла отпустил в Новъгород Нижнии с бояры своими. <...>

И внидоша татарове в град и бояре москвичи, и начаша в колоколы звонити, стекошася людие. <...> По мале же времени прииде князь великий Василей Дмитриевич в Новъгород Нижнии и посади свои наместники, а князя великаго Бориса повеле по градом розвести с княгинею и с детми; безбожных же татар, чтив и дарив, отпусти в орду, сам же възратися в свояся на Москву» (29, 142).

6 ноября 1392 года Василий пошел из Москвы в Нижний Новгород, чтобы принять свое новое владение. А к Рождеству он вновь был дома, в Москве.

С точки зрения традиционных норм княжеского права покупка Нижнего Новгорода Василием I была вопиющим беззаконием. Несомненно, князь приводил какие-то доводы в оправдание такого решения. Возможно, он следовал примеру Ивана Калиты и купил долги

местных князей, а вместе с ними и право на временное управление княжеством. Учитывая острую борьбу за власть в княжестве, можно полагать, что таких долгов было немало.

Князь и сам понимал условность своего владения Нижним Новгородом и допускал возможность потери этого города. В документах, говоря о Нижнем Новгороде, он часто использовал сослагательное наклонение. Но ханский ярлык был подкреплён реальным военным могуществом Москвы, и воля Тохтамыша оставалась в силе.

Делегация московских бояр в сопровождении ханского посла прибыла в Нижний Новгород для приведения горожан к присяге Василию I. Потрясенный таким поворотом дела, князь Борис Константинович готовился оказать сопротивление. Однако среди нижегородского боярства давно сложилась сильная промосковская партия. Ее предводитель, боярин Василий Румянец, убедил князя открыть ворота. Вскоре Борис был арестован и город перешел под контроль московских бояр. Убедившись, что Нижний Новгород покорился его власти, Василий Дмитриевич сам торжественно въехал в город. Великий князь назначил для управления Нижним своим наместником – боярина Дмитрия Александровича Всеволожского.

Василий I не любил проливать кровь сородичей. Но и держать врагов на свободе он не мог. А потому приказал сослать князя Бориса Константиновича, его семью и приближенных в отдаленные города и держать там под строгим надзором в тяжких оковах. Спустя два года, 12 мая 1394 года, Борис Константинович умер в тюрьме. Там же годом ранее умерла в заточении и его жена, Мария Ольгердовна. Несмотря на то, что ее родной брат Ягайло был тогда польским королем, а двоюродный брат Витовт – великим князем Литовским, никаких протестов с их стороны не последовало...

* * *

Устроив таким образом судьбу своего главного врага, князя Бориса Дмитриевича Городецкого, Василий I не забыл и союзников – Василия Кирдяпу и Семена. К этому времени они уже успели выйти из тюрьмы и вернуться в родной Суздаль. Великий князь решил поручить Суздаль прямому управлению своих наместников, а кузенам предложил в утешение Шую – большое село в сотне верст к северо-востоку от Владимира, давшее имя знаменитой впоследствии династии князей Шуйских.

Выросшие на волжских просторах Дмитриевичи с презрением отказались от таких перспектив и отправились с жалобой в Орду. Великий князь послал за ними погоню. Но братья умело замели следы и ушли от преследования. Однако Орда не спешила идти им на помощь. Московская «партия» при ханском дворе отметала все их прошения. В этой ситуации пути братьев разошлись. Василий Кирдяпа вернулся на Русь, примирился с великим князем Василием Дмитриевичем и, тихо дожив свои годы, умер в Городце в 1403 году.

Младший же из суздальских Дмитриевичей Семен сохранил надежду на помощь Орды и продолжал свои интриги при ханском дворе. Потом он перебрался в Казань и здесь уговорил каких-то местных «царевичей» совершить набег на Нижний Новгород. Сидевшие в Нижнем московские воеводы затворились в крепости. После долгой и бесплодной осады татары предложили заключить мир. В присутствии нижегородских послов и князь Семен со свитой, и казанские татары дали клятву не причинять городу зла.

Осажденные ослабили бдительность, за что и были жестоко наказаны. 25 октября 1395 года татары и воины князя Семена ворвались в город и учинили там страшный погром. Две недели город был в их руках. Затем пришла весть, что из Москвы на них послана сильная рать. Перепуганные налетчики быстро собрались и бежали в сторону Казани.

В 1399 году князь Семен опять готовил набег на Нижний Новгород. Однако московская разведка на сей раз вовремя узнала его планы. Василий I выслал наперехват войско, которое гналось за Семеном почти до самой Казани.

Выведенный из себя бесчинствами кузена, Василий I в 1401 году снарядил новую рать для поиска и поимки князя Семена. Московские воеводы из Нижнего Новгорода вошли в Мордовскую землю, где, по слухам, скрывался беглец. Там в одной лесной деревушке они захватили его семью – княгиню Александру с детьми. С этой добычей воеводы вернулись в Москву.

Известие о пленении семьи подкосило князя Семена...

Старый как мир способ обезвредить врага, сделать его послушным – заложничество. Им пользовались еще Греция и Рим. В Древней Руси выражение «взять в таль» могло означать и захват в плен, и добровольную отдачу кого-либо в заложники. Примером может служить вероломный захват тверским князем Михаилом Ярославичем новгородских купцов в Торжке в 1316 году. Приехав в лагерь Михаила на переговоры и получив гарантии безопасности, новгородцы были схвачены и брошены в темницу. Отвергнув предложенный новгородским архиепископом выкуп, Михаил Ярославич отпустил заложников только год спустя, когда владыка Давид привез за них небывалый выкуп – пять тысяч рублей. Эта сумма была сопоставима с суммой ежегодной дани Северо-Восточной Руси в Орду.

Как и близкий ему по значению обычный плен, заложничество возникало после крупного военного поражения одной из сторон. Заложниками отправились в Орду в 1383 году старшие сыновья главных русских князей – Василий Московский, Василий Кирдяпа Суздальский и Федор Рязанский. Однако в отличие от пленных, которых держали в тягости, желая поскорее продать или получить выкуп, заложники жили в достаточно приличных условиях.

Древнее как мир средство оказалось действенным и на сей раз. Узнав о положении своей семьи, Семен приехал в Москву и упал в ноги великому князю. Василий простил дядю, но, зная его беспокойный нрав, сослал вместе с семьей на Вятку. Там спустя всего пять месяцев по прибытии Семен Дмитриевич и скончался 21 декабря 1402 года (29, 150).

Рассказ Симеоновской летописи о борьбе суздальских князей за свою отобранную московским князем Василием вотчину – Суздальско-Нижегородское княжество – отмечен каким-то особым печально-философским тоном в духе Екклесиаста:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.